

более обдумывал новые музыкальные формы, представлявшие ему делом, но это была схоластика; со мною же он не раз беседовал как вдохновенный музыкант и не раз брал у меня перо из рук и поправлял мою работу. Так помню, я был им послан к Фракману в Петербург для напечатания моего романса с двумя окончаниями: одно его, другое мое — «Очарование красоты в тебе не страшно нам» (слова Баратынского).

Он хотел, чтобы я с его слов записал характеристику оркестра вообще и каждого инструмента порознь. Она сохранилась у меня как дорогое воспоминание⁴.

Препровождаю к вам отысканные у меня письма Глинки. Жаль, что все они, кроме этих двух, растеряны при постоянных переездах за границу, и, вероятнее всего, на таможенных.

В Италии мне привелось быть свидетелем громаднейшего успеха симфонических произведений Глинки.

В 1864 году я выписал несколько партитур его; получив их, тотчас же передал «Арагонскую хоту» и «Мадридскую ночь» в лучшее симфоническое общество в Милане. Исполнение было так верно и хорошо под руководством превосходного директора Басси, что энтузиазму не было границ. На следующий день несколько газет заявили желание публики услышать еще раз «Арагонскую хоту» и «Мадридскую ночь». Берлинцы, Мейербер во главе, исполнявшие несколько номеров из «Жизни за царя» в 1856-м году⁵ при дворе прусского короля, могли бы справедливо позавидовать итальянскому исполнению Глинки в Милане.

Помню, что после придворного концерта в Берлине Глинке был предложен орден или денежное вознаграждение, но он до того был недоволен исполнением⁶, что отказался и от того и от другого, все недоумевая: зачем бы это нужно Мейерберу исполнение «Жизни за царя» при прусском дворе?..

Это случилось, кажется, в декабре 1856 г., а через месяц его уже не стало.

На похоронах присутствовали лишь Мейербер, Ден и Ваш покорнейший слуга⁷.

Н. В. КУКОЛЬНИК

ИЗ МОИХ ЗАДУШЕВЫХ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК

Петербург

...Поедем! мне же так скучно стало в Петербурге. Смерть Глинки обличила, что нравственное состояние общества не только не изменилось, но еще глубже запало в волчью яму, так искусно выкопанную чужеземцами [...]. Бежать от них! Бежать хоть на время, потому что обстоятельства приковали мои ноги к этой несчастной земле, на которой есть жители, но нет граждан.

*

3 февраля нашего стиля в Берлине скончался М. И. Глинка; как это случилось — узнаю в Берлине, но в Петербург эта весть прилетела чуть не на крыльях¹. Я знал моих русских патриотов, я помнил, как равнодушно потеряли они Брюллова, так что, кроме газет, никто и не заметил, что умер Карл Великий в живописи. Никакого публичного

написал к А. Ф. Львову довольно теплое письмо, в котором требовал почтить память Глинки торжественною панихидою в Казанском соборе², давая разуметь, что если он откажет, то я пойду другим путем. Львов попал в силоч. Ему показалось приличнее принять мой вызов и рапорт министру был написан. Колебались дать разрешение, однакож дали, но не в Казанском соборе, о чем Львов и не просил, а в придворной Конюшенной церкви. Написали объявление, в котором сказано, что гг. придворные певчие, уведомясь о кончине своего сослуживца, вознамерились отслужить панихиду и проч. Я уничтожил это нелепое объявление, написал другое, тепленькое и послал Львову, а тот в подлиннике к Панаеву³. Несчастный идилист двадцатых годов, под гнетом звезд, честей и лет, нашел невозможным говорить о музыканте с увлечением, и объявление напечатали в примирительном тоне, т. е. те же певчие служили панихиду, но Глинку дозволено назвать знаменитым композитором⁴, и 23 февраля, в 2 часа Конюшенная церковь наполнилась почитателями таланта покойного. Из мишурного мира⁵ было несколько дам, барон М. А. Корф и кн. Вяземский... Ессе-ultima! * Случайно в Петербург приехал берлинский священник⁶, еще 10-го января беседовавший с Глинкой; он сказал речь надгробную, довольно приличную и занимательную, по крайней мере кстати; хор придворных певчих прогремел со святыми упокой великолепно, и я, получив некоторое удовлетворение, воротился домой успокоенный, что, волей неволей, заставил отдать покойному публичную честь. Между тем, младшее поколение друзей Глинки, желая действовать и с своей стороны независимо, устроили музыкальную панихиду. Филармоническое общество согласилось один из своих концертов обратить в память Глинки. Это со стороны немцев было истинное пожертвование. На филармонические концерты перестали ходить, а тут такая верная и выгодная приманка. Программу концерта раз десять переделали, при этом случае перессорились; выбрали пьесы некстати, подобрали плохих исполнителей, и навели на публику скуку и уныние⁷. Публики было много, правда; но из высших слоев общества тот же князь Вяземский был представителем аристократов, а Мина Ивановна Буркова — *сomme de raison* **, представительница аристократок. Бедные люди! Бедная Россия! Надо же было этому концерту случиться 8-го марта, накануне моего отъезда...

Берлин

...Я надеялся собрать о Глинке сведения в Берлине, в особенности от Дена. Но этот красный немец неохотно говорил о Глинке, и то, что говорил, не утешало меня. Ден, вместо рассказов, ссылаясь на подробное письмо к Энгельгардту, где он, как уверяет, в подробности описал последние дни жизни Глинки. Только и узнал я, что Глинка умер прескверно, что за две недели до смерти Глинка взял слово с Дена, если умрет, непременно его анатомировать, что Деном и исполнено. Нашли печень чрез меру отолщенную, а желудок крошечный. Глинка умер с голоду. Две недели не мог принимать пищи. [...] При самом моменте смерти Дена не было. Не знаю, почему похоронили его далеко, больно далеко, на Троицком кладбище, в рядах, как рядового и то осьмым. На похоро-

* Вот и все (лат.).

** Как и следовало ожидать (франц.)

полных сочинений Глинки, в гробовом переносе, на который он не упустил обратить моего особенного внимания. Я догадался, что этот переплет составил третью честь, оказанную Глинке. Не влюбил я Дена, и так как он у меня не был, то я и обрадовался случаю не утруждать кустоса, сторожа в переводе, берлинской библиотеки дальнейшими моими посещениями. Жаль Глинки! такой друг не мог спасти его, хотя смертельная необходимость его болезни подозрительна. Отолщение печени успешно лечит Карлсбад, что доктора и советовали...

В. П. ЭНГЕЛЬГАРДТ

ИЗ ПИСЕМ к Н. Ф. ФЕНДЕЙЗЕНУ

...О берлинском доме, в котором скончался Глинка, Вы может быть что-нибудь узнаете от псаломщика берлинской посольской церкви, Мсти-слава Васильевича Тихонравова, который уже более сорока лет служит в Берлине. Он отвозил тело Глинки в Штетин для отправки в Петербург¹. Вскрытие же могилы и положение гроба в дорожный ящик было сделано мною обще с профессором Деном. Глинка был совершенным ребенком в денежных делах. В Испании и в Варшаве его деньги находились у известного Вам don Pedro Nolasco Fernandez Sendino, а во время его последнего пребывания в Берлине у профессора Дена, который распоряжался и похоронами. Из России никто не приезжал на похороны. Помнится мне, что Людмила Ивановна Шестакова заплатила Дену порядочную сумму за похороны, но надо полагать, что они были очень скромные, потому что когда при мне, только через несколько месяцев после погребения Глинки, откопали могилу, то пришлось подводить под гроб холст, потому что доски, из которых был сколочен гроб, развалились. Тело Глинки было не в платье, но в белом холстяном саване. Я не решился взглянуть на лицо М. И. Один из могильщиков сказал: «Das Gesicht ist wie mit Watte bedeckt. Es sieht böse aus» *. Тело Глинки не было набальзамировано².

Кладбище, на котором был похоронен М. И., находилось у Kreuzberg'a и, кажется, теперь упразднено. Находившиеся там памятники были свалены в кучу и предназначены к уничтожению. Почтенный о. протоиерей Алексей Петрович Мальцев разыскал нагробную плиту от могилы Глинки и поставил ее на пьедестал на русском кладбище, на земле, принадлежащей России [...].

Семейство Глинки было с давних пор в дружеских отношениях с нашим семейством, и я, в 30-х годах, еще ребенком **, часто видел Михайла Ивановича с матерью и дядею Иваном Андреевичем в доме моих родителей³, в Петербурге. Впоследствии, когда я возмужал, М. И., видя восторженное, пламенное обожание юноши, его самого и его сочинений, сказывал мне расположение, которое сохранил до своей кончины. Я помню М. И. еще в то время, когда он обладал хорошим тенором и пел так, как не спеть никакому оперному певцу. Он пел только свои романсы. Гениальны были его импровизировки между куплетами романсов или при переходе от одного романса к другому. Кружок слушателей

* Лицо точно покрыто ватой. Оно выглядит страшно (нем.).

** Я родился в 1828 году.— Примечание В. П. Энгельгардта.